

ЛЕВ ЛОПУХОВСКИЙ

ВЯЗЕМСКАЯ КАТАСТРОФА 1941

СТРАШНЕЙШАЯ
ТРАГЕДИЯ
ВОВ

МОСКВА
2017

УДК 94(47+57)"1941"

ББК 63.3(2)622.11

Л77

Фотография на переплете: Interfoto / PHOTAS / Фото ИТАР-ТАСС.

Лопуховский, Лев Николаевич.

Л77 Вяземская катастрофа 1941: страшнейшая трагедия ВОВ / Лев Лопуховский. — Москва : Эксмо : Яуза, 2017. — 640 с.

ISBN 978-5-04-088995-2

Вяземская катастрофа 1941 года стала одной из самых страшных трагедий Великой Отечественной, по своим масштабам сравнимой лишь с разгромом Западного фронта в первые дни войны и Киевским котлом.

После этого поражения судьба Москвы буквально висела на волоске. Лишь ценой колоссального напряжения сил и огромных жертв удалось восстановить фронт и не допустить падения столицы.

В советские времена об этой трагедии не принято было вспоминать — замалчивались и масштабы разгрома, и цифры потерь, и грубые просчеты командования. В книге Л.Н. Лопуховского история Вяземской катастрофы впервые рассказана без умолчаний и прикрас, на высочайшем профессиональном уровне, с привлечением недавно рассекреченных документов противоборствующих сторон. Эта работа — лучшее на сегодняшний день исследование обстоятельств и причин одного из самых сокрушительных поражений Красной армии, дань памяти всем погибшим под Вязьмой той страшной осенью 1941 года...

УДК 94(47+57)"1941"

ББК 63.3(2)622.11

ISBN 978-5-04-088995-2

© Лопуховский Л.Н., 2017

© ООО «Издательство «Яуза», 2017

© ООО «Издательство «Эксмо», 2017

*Моему отцу — командиру 120-го гап РГК
и его боевым товарищам,
павшим в боях под Вязьмой
в октябре 1941 года,
ПОСВЯЩАЮ*

От автора

Эту книгу я писал 40 лет — с тех пор, как всерьез занялся выяснением обстоятельств гибели отца, командира 120-го гаубичного артполка полковника Н.И. Лопуховского, числившегося пропавшим без вести в 1941 году, — и еще один год.

Последнее письмо семье отец написал 1 октября, когда вернулся в свой полк из госпиталя в Вязьме. Он, в частности, писал: «На все угрозы фашистов мы отвечаем ураганным огнем. Артиллеристов в плен им не захватить! Тому, что было в начале войны, пришел конец». Затем последовали долгие месяцы молчания. Его сослуживец и давний знакомый семьи из штаба артиллерии Западного фронта на письмо матери ответил, что на фронте произошли большие изменения и о Николае Ильиче он ничего не знает, никого из его боевых товарищей в последнее время не встречал.

Потом пришло извещение — «пропал без вести». Это хотя бы оставляло надежду, что не погиб, может быть, ранен, остался у партизан. Закончилась война. На все запросы в различные инстанции, в том числе и в архивы, ответ был одинаков — пропал без вести. В апреле 1959 г. из Главного управления кадров МО СССР я получил более подробное извещение: «Ваш отец, полковник ЛОПУХОВСКИЙ Николай Ильич, по данным ГУК, значится пропавшим без вести 30 ноября 1941 г. в бою с немецко-фашистскими захватчиками на Западном фронте. Никаких других, более подробных данных о его судьбе нет. Он, безусловно, погиб, но в связи с особой обстановкой, сложившейся на фронте, зафиксировать факт его гибели и сообщить об этом в центр или родственникам в то время было невозможно».

Естественно, мне захотелось узнать, что за особая обстановка сложилась на Западном фронте в ноябре 1941 г. Но никаких следов 120-го гап большой мощности Резерва Главного

Командования в ноябре найти не удалось. Зато выяснил, что в октябре этот полк входил в состав 19-й армии, которая тогда же попала в окружение под Вязьмой. На запрос в Центральный архив МО получил ответ, что 120-й гап был исключен из списков артиллерийских частей с 24 декабря 1941 г. и никаких документов военного времени на хранение в архив не поступало. Я стал искать сослуживцев отца. Прежде всего обратился с письмом к бывшему командующему 19-й армией М.Ф. Лукину. Михаил Федорович 3 декабря 1966 г. ответил также письмом, подтвердив, что 120-й гап действительно входил в состав армии. Но командира этого полка не помнит, так как армией стал командовать только с середины сентября и не успел лично познакомиться со всеми командирами. Я знал, что Лукин пишет воспоминания, и не терял надежды узнать хоть что-то об отце. Зимой 1969 г., за полгода до смерти М.Ф. Лукина (последовала 25.05.1970 г.), мне удалось прорваться к нему на беседу. Родственники его не хотели меня пускать, так как Михаил Федорович только что вернулся из госпиталя и неважно себя чувствовал. Однако тот услышал, что к нему кто-то пришел, и настоял, чтобы меня пропустили. Выглядел он очень плохо. Ничего нового об отце он сообщить не смог, высказав мнение, что он мог погибнуть в окружении или позднее в плену.

Рассказывая о ходе боев под Вязьмой, о той тяжелой обстановке, которая сложилась в окружении, о попытках прорваться из него (ниже я вернусь к его рассказу), генерал разволновался. Родные в приоткрытую дверь подавали мне знаки, чтобы я немедленно уходил. Несколько раз я вставал, чтобы выйти из комнаты, но Михаил Федорович приказывал мне садиться и продолжал свой рассказ. В частности, он спросил, читал ли я статью Конева в «Военно-историческом журнале», опубликованную в конце 1966 года? На мой отрицательный ответ генерал сказал:

— Вы, молодые, никогда не узнаете всей правды о вяземской трагедии, пока будут живы Конев, Буденный и другие причастные к этим событиям люди. А мои воспоминания вряд ли когда-нибудь опубликуют...

Командарм ошибся — его воспоминания были опубликованы в том же журнале через одиннадцать лет — в 1981 году. Содержание статьи разительно отличалось от того, что Лукин говорил мне при встрече. Редакторы здорово поработали над

текстом. Это и понятно — говорить правду о вяземских событиях тогда еще не пришло время. Но слова генерала Лукина подтолкнули меня узнать как можно больше о событиях под Вязьмой — может быть, найдутся следы отца? Решил как можно больше узнать о вяземской оборонительной операции и о том, что с нею связано. В открытых источниках о поражении советских войск говорилось весьма скупо. С трудом получил допуск в Центральный архив МО СССР. Работая с архивными документами, убедился, что многие события минувшей войны освещаются в печати весьма тенденциозно — в зависимости от желаний очередного «вождя». Умолчание и ложь только усиливали мое желание узнать правду. Попутно попытался узнать о сослуживцах отца, которые вернулись из плена и прошли спецпроверку. Их дела находились в ведении КГБ и МВД. В приемной два полковника, представлявших свои уважаемые ведомства, выслушав меня, ответили:

— Капитан, бросай это дело, а то можешь найти совсем не то, что ищешь, и будешь потом всю жизнь жалеть...

Но я решил продолжать свой поиск, о котором вкратце расскажу в конце книги. Сейчас скажу только, что обстоятельства гибели отца узнал через 38 лет после того, как это произошло при выходе из окружения под Вязьмой.

В годы хрущевской «оттепели» архивы несколько «приоткрыли». Это способствовало появлению книг и сообщений, содержание которых не всегда соответствовало официальной точке зрения. Многое тайное стало явным, и власти перепугались. 3 марта 1968 г. Л. Брежнев заявил своим соратникам по Политбюро:

«У нас появились за последнее время много мемуарной литературы... Освещают Отечественную войну вкривь и вкось, где-то берут документы в архивах, искажают, перевирают эти документы... Где эти люди берут документы? Почему у нас стало так свободно с этим вопросом?» [1]. Тогдашний министр обороны Гречко заверил генсека, что они наведут порядок в этом деле. И навели. Допуск к документам, хранящимся в архивах, был снова ограничен — допускались только официальные историки, умеющие держать нос по ветру. Конечно, надо же было готовить почву для воспевания подвигов очередного вождя и вошедших в фавор военачальников, чему могли помешать настырные исследователи.

Через 60 лет после окончания войны, 14.04.2005 г., вышел приказ рассекретить материалы до фронта включительно (раньше исследователи допускались к документам до армии включительно, и то под строгим контролем). Но тут же заработала комиссия, которая начала засекречивать отдельные дела, касающиеся наиболее острых моментов нашей военной истории. Направляла ее работу «умная» рука. Хотя иногда очень трудно, почти невозможно уловить логику в необходимости засекречивания того или иного документа. Очевидно, действуют по давно известному бюрократическому правилу — лучше переусердствовать в выполнении требований начальства, чем пропустить какую-либо «крамолу».

Попытки исследователей переосмыслить некоторые события в свете появления неизвестных ранее фактов до сих пор встречаются в штывы со стороны тех ученых и историков, которые в силу своего официального положения обязаны защищать любые, даже самые сомнительные, решения и действия военного и политического руководства страны в военные годы. По-прежнему замалчивается или искажается правда о наиболее тяжелых периодах в истории минувшей войны, когда наша армия порой терпела сокрушительные поражения. Некоторые начальники с большими звездами (правда, уже бывшие) публично, по телевидению или в письмах-доносах в высшие инстанции, призывают «заткнуть рот» тем, кто «осмелился бросить тень на славную историю советских Вооруженных сил». Особенно болезненно воспринимаются попытки выявить истинные потери наших войск в людях. Ведь при сопоставлении потерь войск сторон могут лопнуть, как мыльные пузыри, многие мифы и легенды, внедренные в свое время советским агитпропом в сознание своих граждан. Мне уже приходилось писать о манипуляциях с цифрами потерь Воронежского и Степного фронтов в Курской битве.

История требует к себе уважения, ее нельзя изменить — то, что произошло, можно скрыть только на время. А ложь только побуждает искать правду. В ходе поиска и анализа архивных документов я убедился, что мемуары некоторых видных военачальников в силу субъективных причин в значительной степени тенденциозны. В попытках оправдать свои решения и действия они часто интерпретируют события в свою пользу. Впрочем, авторы публикаций в недавнем прошлом даже при желании не могли многое сказать в условиях жест-

кой цензуры. А может быть, и сказали, но до читателей это не дошло благодаря усердию редакторов. И нужна большая кропотливая работа по сопоставлению сведений из различных источников информации, в том числе и альтернативных — документов бывшего врага, чтобы установить или хотя бы приблизиться к истине.

О наиболее сложном — начальном этапе московской оборонительной операции — отходе и боях в окружении под Вязьмой и Брянском сохранилось не так уж много сведений. Документы объединений и соединений, попавших в окружение, в основном были уничтожены. Сохранились те из них, что были переданы (и приняты) в высшие штабы. Но большая часть из них, особенно переговоры по средствам связи в звене фронт — Ставка ВГК, до сих пор засекречены. Интересно, что сразу по окончании боевых действий был издан приказ о сдаче в архив всех документов, дневников (их, несмотря на запрещение, многие все-таки вели), записей, карт, находящихся на руках. Знаменательный приказ. Властные инстанции уже тогда были озабочены, чтобы обеспечить единый «правильный» взгляд на историю войны. Например, в Центральном архиве Российской Федерации почему-то нет отдельного фонда 2-й стрелковой дивизии второго формирования (бывшей 2-й дивизии народного ополчения Сталинского района г. Москвы). А она играла не последнюю роль в сражении под Вязьмой. Хорошо, что командир этой дивизии генерал-майор В.Р. Вашкевич в свое время не выполнил приказ о сдаче документов, которые он вынес при прорыве из окружения. Он писал о своей дивизии, выступал в журналах в период хрущевской «оттепели» и после. Теперь имеется возможность ознакомиться с ними без всяких изъятий.

В последнее время появился целый ряд серьезных работ, в которых более или менее объективно рассматриваются события битвы под Москвой (по ходу повествования я буду на них ссылаться). Однако многие важные моменты оборонительной операции, масштабы и причины катастрофы (многие как огня боятся этого слова, хотя его употреблял и маршал Г.К. Жуков) широкой общественности до сих пор неизвестны. Может, действительно прав был генерал Лукин, когда говорил, что всей правды о вяземской трагедии мы не узнаем, пока живы Конев, Буденный и другие причастные к ней люди? И вот уже в новой военной энциклопедии читаем, что, оказыва-

ется, «командующие фронтами (Конев и Буденный) в ходе операции не осуществляли маневр войсками на угрожаемые направления, не руководили их отходом и действиями окруженных войск». Но только ли командование фронтов виновно в вяземской катастрофе? Почему буквально за 2—3 дня боев рухнула оборона сразу трех фронтов на западном стратегическом направлении? Почему, несмотря на наличие в тылу подготовленных оборонительных рубежей, на шестой день немецкого наступления основные силы Западного и Резервного фронтов оказались в окружении? Наконец, почему окруженные войска не смогли вырваться из него и продержались, сковав врага, всего семь дней? Считаю, что 65 лет — достаточный срок, чтобы попытаться проследить, как развивались события, приведшие к катастрофе. Я намеренно сосредоточил внимание на первом этапе этой битвы, чтобы попытаться подробно, в деталях рассмотреть основные моменты сражения, оценив существующие мнения и выводы с позиций фактов, в том числе неизвестных или малоизвестных широкой общественности. Попутно выскажу свою позицию по поводу реальных потерь Красной Армии в людях в этих боях.

Книга написана на основе анализа документов, собранных мной за 40 лет поиска, а также трофейных немецких документов, хранящихся в соответствующем фонде ЦАМО РФ. В тексте будут приводиться выдержки из первичных документов разгромленного вермахта, которые в числе других архивов в качестве трофеев оказались в Национальном архиве (NARA) США. Прежде чем вернуть архивы Германии, американцы микрофильмировали их и сейчас за плату предоставляют всем желающим. Перевод этих документов выполнен полковником в отставке Ю.Д. Чупровым. Вообще, в эпоху Интернета возможность использования иностранных источников значительно упростилась. Сопоставление архивных документов противоборствующих сторон, а также других иностранных источников позволило выявить целый ряд случаев намеренного искажения истины в описании боевых действий и их результатов в наших официальных изданиях и мемуарной литературе. Их цитирование, конечно, несколько утяжеляет повествование. Но без этого обойтись не считаю возможным, так как в ряде случаев приходится доказывать несостоятельность некоторых стереотипов, укоренившихся в общественном сознании.

И еще один момент, за который заранее прошу извинения у читателей. Использование документов военного времени вызывает необходимость пользоваться картой. Но на современных и общедоступных картах порой невозможно найти населенные пункты, упоминаемые в них. Многие деревни и поселки стерты с лица земли в результате боевых действий или пали, как неперспективные, в борьбе с ярыми поборниками стирания различий между городом и деревней (теперь там, где был возделан каждый клочок земли, поля заболачиваются и зарастают кустарником). Они есть на топографических картах масштаба 1:100 000 довоенного издания, но они до сих пор считаются секретными. Некоторые населенные пункты пришлось искать на русской карте издания 1911 г. масштаба 1:300 000, копиями которой в ходе операции «Тайфун» пользовались немцы. На них сохранены русские названия (лишь некоторые важные пункты дублированы латинским шрифтом), нанесены вновь построенные участки железных дорог, а также оборонительные рубежи советских войск. Поэтому при описании боев с упоминанием исчезнувших населенных пунктов пришлось рядом в скобках указывать их положение относительно известных (или обозначенных на схемах) ориентиров. Это несколько затрудняет восприятие текста, впрочем, как и нудное для неподготовленного читателя перечисление номеров частей и соединений. Но я сознательно иду на это в надежде, что детали и подробности окажутся полезными тем читателям, родные и близкие которых погибли или пропали без вести в тех краях, и особенно исследователям, желающим глубже понять логику решений командования и действий войск сторон. Не исключено, что приведенные в книге сведения смогут использовать и поисковики при определении новых районов своей работы по розыску до сих пор не захороненных останков погибших советских воинов в целях увековечения их памяти.

К работе над этой книгой приступил с тяжелым сердцем — о победах писать легче. Но это мой долг перед отцом и его боевыми товарищами, солдатами и офицерами 120-го гап, павшими в боях за свободу и независимость нашей Родины. Над темой работал с намерением написать честную книгу. Насколько это получилось — судить читателям.

22 июля 2006 г.

Глава 1

ВМЕСТО ПРОЛОГА

Общая обстановка на советско-германском фронте к сентябрю 1941 г. Действия советских войск на Западном стратегическом направлении. Группа армий «Центр» переходит к обороне, а войска Вейхса и Гудериана поворачивают на юг. Смоленское сражение. Контрнаступление советских войск. Духовщинская и Ельнинская фронтовые наступательные операции. Итоги Смоленского сражения.

Официально считается, что Московская оборонительная операция началась с 30 сентября 1941 г. — с момента начала операции «Тайфун». Однако следует учитывать, что с самого начала войны столица Советского Союза являлась главной целью для Германской армии. Еще до начала войны, 20 июня 1941 г., в документах генерального штаба сухопутных войск (ОКХ) было отмечено: «Москва — не только главная цель наступления в Центральной России, но и одна из важнейших целей на всей русской территории <...> Захват или разрушение Москвы парализует военный, политический и экономический руководящий аппарат и уничтожит важную базу советской власти» [2]. На разгром основных сил Красной Армии путем проведения блицкрига — молниеносной войны по плану «Барбаросса» — отводилось четыре месяца. О первоочередной задаче разгрома советских войск на московском направлении и захвате столицы России говорилось в журнале боевых действий Верховного командования вермахта (ОКВ): «Наступление на Москву ломает спинной хребет русского оборонительного фронта. В этом наступлении будут уничтожены все крупнейшие русские силы, потому что русские будут биться за Москву до последнего и беспрестанно вводить в сражение новые силы».

Сражения лета и начала осени 1941 г. самым непосредственным образом повлияли на ход и исход Московской оборонительной операции. Поэтому без рассмотрения боевых действий, предшествующих битве под Москвой, хотя бы самого краткого, не обойтись. Гитлеровское командование с самого начала нападения на Советский Союз основные усилия вермахта сосредоточило на Западном стратегическом направлении, создав на нем наиболее мощную группировку войск в составе группы армий «Центр». Между тем наше командование сосредоточило основные силы Красной Армии южнее р. Припять — на Юго-Западном стратегическом направлении. Этот просчет (наряду с целым рядом других причин) самым отрицательным образом сказался на результатах первых сражений начавшейся войны. К 10 июля танковые соединения ГА «Центр» продвинулись на 600 км, пройдя свыше трети пути от границы до Москвы. По мере успешного продвижения в глубину советской территории протяженность советско-германского фронта значительно увеличилась. Ударным группировкам врага пришлось действовать по расходящимся направлениям. Соответственно, резко снизилась оперативная плотность войск и ударная сила противника, к тому же понесшего большие потери в живой силе, вооружении и технике. Сил для одновременного наступления на всех стратегических направлениях уже не хватало. Тем более что Ставка Верховного Главнокомандования (ВГК) принимала все меры по наращиванию усилий на западном направлении, и сопротивление советских войск усиливалось с каждым днем.

30.06.1941 г. в командование Западным фронтом вступил генерал-лейтенант А.И. Еременко, но уже со 2 июля его на этом посту сменил маршал С.К. Тимошенко, который одновременно являлся Главнокомандующим войсками Западного направления¹. В состав Западного фронта были включены 19,

¹ Тимошенко Семен Константинович (18.02.1895 — 31.03.1970), Маршал Сов. Союза (1940). Участник Первой мировой войны, с августа 1918 г. — командир полка, участник обороны Царицына. Последовательно командовал кавбригадой, кавдивизией в составе 1-й Конной армии, кавкорпусом, рядом военных округов. С января 1940 г. — командующий Северо-Западным фронтом, войска которого осуществили прорыв линии Маннергейма, с мая 1940 г. — нарком обороны СССР. Член Ставки ВГК, зам. наркома обороны. Герой Советского Союза (21.03.1940).

20, 21 и 22-я резервные армии второго стратегического эшелона. Однако только 24 дивизии из их состава заняли назначенные рубежи. С учетом возможности дальнейшего продвижения противника в тылу фронта разворачивались еще четыре вновь сформированных объединения (29, 30, 31 и 32-я армии), которые вместе с 24-й и 28-й армиями с 14 июля составили Фронт резервных армий.

К 10.07.1941 г. наши вооруженные силы потеряли 11 783 танка, в действующей армии осталось всего 1731, из них — 1214 легких [3]. Когда Гитлеру доложили о числе уничтоженных и захваченных русских танков, он заявил в узком кругу своих приближенных, что если бы он знал о их количестве и качестве, то никогда бы не начал поход на Восток. Потерпевшие поражение в приграничных сражениях войска отводились в тыл для переформирования и доукомплектования. А войска резервных армий, прибывшие из глубины страны, еще не успели полностью сосредоточиться. Об устойчивой обороне в этих условиях говорить не приходилось. В таких исключительно трудных условиях для наших войск развернулось Смоленское сражение, которое началось 10 июля и затянулось на два месяца — срок, на который совершенно не рассчитывало немецкое командование.

Несмотря на принимаемые Ставкой ВГК меры, остановить противника не удавалось. И на первом этапе, с 10 по 20 июля, гитлеровцам удалось добиться серьезного успеха. К 16 июля противник прорвал оборону Западного фронта и захватил Оршу, Смоленск, Ярцево и Духовщину¹. 7-я танковая дивизия противника ударом со стороны Духовщины захватила Ярцево и перерезала автостраду Смоленск — Москва. 19, 20 и 16-я армии Западного фронта оказались в оперативном окружении в районе Смоленска. С этого времени в этом районе не прекращались ожесточенные бои. 16 июля Главнокомандующий Западным направлением донес в Ставку: «Подготовленных в достаточном количестве сил, прикрывающих направление Ярцево, Вязьма, Москва, у нас нет. Главное — нет танков».

¹ Д у х о в щ и н а — районный центр в 50 км северо-восточнее Смоленска, важный узел дорог, идущих на Ярцево, Смоленск, Пречистое и Демидов.

Верховный Главнокомандующий И.В. Сталин

Главнокомандующий Западным направлением, командующий войсками Западного фронта
Маршал Советского Союза
С.К. Тимошенко

Однако 20 июля И. В. Сталин в ходе переговоров по прямому проводу с Главкомом Западного направления маршалом С.К. Тимошенко сказал:

«Вы до сих пор обычно подкидывали на помощь фронту по две, по три дивизии, и из этого ничего существенного не получалось. Не пора ли отказаться от подобной тактики и начать создавать кулаки в семь-восемь дивизий с кавалерией на флангах... и нацелить всю эту группу на район Смоленска, чтобы разбить и вышибить противника из этого района, отогнав его за Оршу.

Я думаю, что пришло время отказаться от крохоборства и перейти нам к действиям большими группами».

При этом И.В. Сталин потребовал начать наступление в ближайшие дни. Тимошенко не посмел возразить вождю и в этот же день издал директиву о проведении операции по окружению и разгрому противника в районе Смоленска и деблокированию окруженных там войск 16-й и 20-й армий (боевые действия в ходе Смоленского сражения показаны на схеме 1). За счет Фронта резервных армий (29, 30, 24 и 28-я армии), ко-